

АГРОТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ОБЩИНА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX вв.)

М.М. Есикова

ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

Рецензент д-р ист. наук, профессор А.А. Слезин

Ключевые слова и фразы: агротехнический прогресс; крестьянское хозяйство; нововведения; община; трехполье.

Аннотация: Рассмотрены вопросы отношения крестьянской общины к аграрным нововведениям, показано, что при всей своей самодостаточности община реагировала на требования жизни, сводя к минимуму степень риска, она замедляла, но не препятствовала темпам агротехнического прогресса.

Долговечность традиционализма аграрного строя страны объяснялась натуральным характером подавляющей части крестьянских хозяйств: крестьянин, как правило, в основном обеспечивал свои потребности [1], и, вполне довольствуясь привычным уровнем потребления, не слишком стремился к выходу на рынок.

Крестьянская община являлась главным хранителем духовно-нравственных ценностей и традиций. К последним относились традиции общинного коллективизма: взаимопомощь, трудолюбие и др. Многие из них могли бы послужить основой для внедрения различных новаций в крестьянскую среду, однако, такое происходило довольно редко.

Тормозящее воздействие крестьянской общины на процесс усовершенствования сельского хозяйства наиболее ярко проявлялось в том, что она безоговорочно отвергала индивидуальные начинания, не успевшие себя зарекомендовать многолетней коллективной практикой хозяйствования. Традиции общинного коллективизма скорее сдерживали поступательное развитие аграрного строя, нежели способствовали его преобразованию.

Особое влияние на становление, эволюцию и степень устойчивости аграрно-культурных традиций в российской деревне оказывала крестьянская община. Она выполняла важнейшую функцию регулятора хозяйственных и социальных основ всего аграрного строя страны.

Есикова Милана Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и философия», e-mail: milana.61@mail.ru, ТамбГТУ, г. Тамбов.

Хозяйствование на земле и все бытие крестьянства на протяжении многих веков было неразрывно связано с общиной. Крестьянской семье в одиночку нельзя было выжить. Тяжкие природно-климатические условия заставляли российского крестьянина в течение многих веков дорожить такой организацией, как община. Сам тип русской общины на протяжении длительного времени отличался явным преобладанием «общественного» по сравнению с «частным». Слишком уж неустойчивым в России даже в начале XX в. было индивидуальное крестьянское хозяйство, очень часто гибнувшее под ударами стихии. А все это грозило земледельцу полным разорением. Община выступала гарантом нормального функционирования крестьянской семьи, институтом, который обеспечивал ее физическое выживание. Даже в пореформенное время при четком понимании того, что община с ее переделами, чересполосицей, трехпольем с принудительным севооборотом, круговой порукой и т.д. стояла на пути агротехнического и социального прогресса, деревня держалась за этот средневековый институт. В условиях растущего малоземелья и нищеты названные иррациональные обычаи в пореформенной общине служили средством элементарного выживания крестьянства. Община всячески поддерживала в деревне сословную и имущественную иерархию. Это вело к тому, что все слои крестьян с предубеждением относились к любым попыткам внедрения разного рода усовершенствований.

Преобладание, господство общинного сознания наглядно проявлялось в самой важной сфере крестьянского бытия – в поземельных отношениях, в первую очередь, в отношениях собственности. Исходя из современного понимания собственности, в традиционных крестьянских сообществах ее не было. В крестьянском сознании его землевладельческое право распространялось лишь на обрабатывавшиеся земельные угодья. Частная собственность на невозделанную землю – явление более позднее, связанное с достаточно высоким уровнем развития товарно-денежных отношений [2]. Для российского крестьянина земля была божьим, природным даром, она принадлежала всем; каждый имел право на ней трудиться.

Русской крестьянской ментальности было присуще представление о труде как о первоисточнике имущественных прав. Крестьяне отождествляли понятие труда с физическим трудом. Трудовое происхождение собственности придавало ей неприкосновенность в глазах крестьян. Земля же, по их мнению, собственностью в настоящем смысле слова быть не могла, поскольку никем не сделана.

«Нерукотворные» объекты собственности психологически присваивались крестьянином в меру хозяйственных потребностей и трудовых усилий, затраченных на их удовлетворение. С представлением о труде как первоисточнике имущественных прав связано ментальное крестьянское предпочтение коллективной собственности [3].

Экономика и этика выживания создали свою систему отношений собственности. В них проявлялись основные свойства крестьянского менталитета, вобравшие в себя жизненный опыт всех предшествовавших поколений.

Община выполняла и разнообразную природоохранную деятельность: осуществляла меры по сохранению почвенного плодородия в соответст-

вии с местными условиями земледелия, парение и хранение навоза, комбинирование различных систем земледелия и др. [4]. Однако к концу XIX в. исторически сложилось и превратилось в устойчивую традицию в форме обычая равнодушное, а зачастую и хищническое отношение крестьян к окружающей их природной среде.

Так, большая распаханность земель в Центрально-Черноземном регионе при низкой агротехнике, повсеместная распашка склонов привели к росту числа оврагов. Уже с середины XIX в. специалисты стали говорить об эрозийных процессах на данной территории. В 1891 г. Министерство государственных имуществ собрало сведения о влиянии распашки и облесения оврагов на содержание влаги в почве и на полевую культуру для принятия соответствующих мер к уменьшению их роста и распространения. Было установлено, что развитие земледелия создало условия для размывания почв весенней водой и образования оврагов. Разрыхленная плодородная часть почвы, потеряв свое первоначальное строение, легко смывалась и уносилась водой, склоны оседали и разрушались, площадь песков возрастала в несколько раз [5].

Земледельцы, стараясь увеличить площадь, занимали под посев культурных растений не только крутые склоны балок, но истоки речек и ручьев, берега рек до самой воды. В свою очередь, это сопровождалось загрязнением рек и усилением эрозийных процессов, которые шли параллельно с уничтожением лесов.

Одной из наиболее сложных экологических проблем, связанных с экстенсивным развитием земледелия, стала со второй половины XIX в. широкая вырубка лесов. Крестьяне, получившие к земельным наделам «продовольственный» лесной участок, стремились обратить его в пашню. В хозяйствах же частных владельцев использование леса под пахотные земли происходило довольно редко.

Пореформенная община относилась многими современниками к пережиткам сельской жизни, проявлявшим себя в основном в полицейско-фискальных функциях и быстро утрачивавшими всякое позитивное значение в жизни крестьян. Аналогичную позицию занимало и новое поколение специалистов-аграрников, приобретших на рубеже XIX–XX вв. видное положение в центральных государственных учреждениях и готовивших столыпинские аграрные преобразования. Они усматривали проблему в низком уровне эффективности сельскохозяйственного производства и в недостаточном развитии рыночных отношений. С их точки зрения, виной всему была крестьянская община, в частности общинная система землепользования [6].

Тезис об иррациональных порядках в пореформенной общине прочно и надолго утвердился в исторической литературе. При этом на первый план выдвигаются такие недостатки общины, как постоянные переделы, многополосица и чересполосица, господство трехпольной системы, принудительный севооборот, пропуск самых выгодных для поднятия паров сроков и т.д. К этому следует добавить, что крестьяне упорно придерживались традиционной агротехники и с большим недоверием относились к возможным нововведениям. В итоге сделан вывод о несовместимости общины и агротехнического прогресса. При всей своей самодостаточности и

автаркичности крестьянская община не могла оставаться неизменной, не обладала она и независимостью от внешнего мира. Она должна была реагировать и на внутренние процессы, и на внешние факторы.

Внимательное изучение эволюции крестьянского хозяйства показывало, что общинное производство в значительной степени успевало реагировать на экономические требования момента. Так, в рамках трехпольной системы постоянно увеличивалась урожайность крестьянских полей. В Тамбовской губернии урожайность главного сельскохозяйственного продукта – ржи – на крестьянских землях в 1896–1910 гг. составляла в среднем 55,5 пуда с десятины, в 1912 г. – 62 пуда, в 1913 г. – 34,8 пуда (неурожайный год), в 1914 г. – 50 пудов, 1915 г. – 62,3 и в 1916 г. – 62,8 пуда [7, с. 19].

Приверженность к привычкам была разной. Наблюдения показали, что, чем моложе, образованней и зажиточнее был крестьянин, тем восприимчивее он относился к нововведениям.

Очевидный прогресс агротехники подтверждался также более тщательной вспашкой, прополкой, уходами за посевами, расширялись посевы трудоемких культур и т.д. Жизнь заставляла крестьянина интенсифицировать свое хозяйство, он стал больше работать.

Из всего сказанного следует, что общинное крестьянство успевало реагировать на экономические требования момента, в то же время сохраняя свои традиционные рамки. Трехпольная система полеводства могла развиваться в разных направлениях. Ситуация толкала крестьянина на единственно возможный путь выживания – путь интенсификации своего хозяйства, и он делал это в рамках существовавшей трехпольки, в целом восприимчивой к системным изменениям внутри себя, способной к постепенному превращению в более интенсивную многопольную систему. Земельные переделы, проводившиеся в пореформенный период в среднем раз в 20 лет (начало 1880-х гг. и на рубеже XIX–XX вв.) в целом не препятствовали нововведениям, которые крестьянин зачастую мог проводить самостоятельно. Главным препятствием на пути агротехнического прогресса была крайняя бедность крестьян, а не трехпольная система и общинные порядки. Даже применение усовершенствованного инвентаря порой требовало значительных затрат всего общества. И тогда на помощь приходил сход.

Новые явления в пореформенной деревне не изменили хозяйственных и социальных основ крестьянской жизни. Община осталась институтом, обеспечивавшим физическое выживание крестьянской семье. Сводя к минимуму степень риска, она замедляла, но отнюдь не препятствовала темпам агротехнического прогресса.

Список литературы

1. Яцунский В.К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX в. / В.К. Яцунский. – М. : Наука, 1973. – С. 293–296.
2. Данилова, Л.В. Крестьянская ментальность и община / Л.В. Данилова, В.П. Данилов // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–

XX вв.) : материалы междунар. науч. конф. / под ред. В.П. Данилова, Л.В. Милова. – М., 1996. – С. 27–28.

3. Яхшиян, О.Ю. Собственность в менталитете русских крестьян // Там же. – С. 100–101.

4. Власова, И.В. Природоохранная деятельность русских крестьян (XVIII–XIX вв.) / И.В. Власова // Крестьянское хозяйство: история и современность : материалы к Всерос. науч. конф., г. Вологда, окт., 1992 г. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории [и др.] ; отв. ред. Безнин М.А. [и др.]. – Вологда, 1992. – Ч. 2. – С. 107–109.

5. Канищев, В.В. Хозяйственная деятельность В.И. Вернадского в контексте экологической ситуации в Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX вв. / В.В. Канищев // В.И. Вернадский и Тамбовский край / Неправительств. экол. фонд им. В.И. Вернадского, Администрация Тамб. обл., Ком. природ. ресурсов по Тамб. обл. – М., 2002. – С. 46–47.

6. Мэйси, Д. Земельная реформа и политические перемены: феномен Столыпина / Д. Мэйси // Вопр. истории. – 1993. – № 4. – С. 6–7.

7. Есиков, С.А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.) / С.А. Есиков. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 1998. – 109 с.

Agrotechnical Progress and Community (late 19th – early 20th Centuries)

M.M. Esikova

Tambov State Technical University, Tambov

Key words and phrases: agrotechnical progress; community; innovations; peasant farming; three-field system.

Abstract: The paper deals with the problems of the peasant community's attitude to agricultural innovation; it is shown that in spite of its self-sufficiency the community responded to the demands of life, minimizing the risk, it slowed down, but did not prevent the agrotechnical progress.

© М.М. Есикова, 2011